

Гусляры. Худ. Васнецов В. М. 1899

ПЕРЕВОДЫ

Ильин И.А.

**Из книги
«Сущность и особенность русской культуры»
(1944)¹**

---

¹ Продолжение. Начало см.: Ильин И.А. Из книги «Сущность и особенность русской культуры» (1944) // Пространство и Время. 2010. № 1. С. 198–205.

3. Свобода и гармония

Если русская душа сохраняет своё моральное и духовное равновесие, она проявляет себя в особенной *свободе и гармонии*.

Вообще было бы очень ошибочно представлять себе русскую душу неким вечно кипящим котлом или непрестанно роющемся в хаосе созданием; образы Достоевского, конечно, – реальность, но они могут рассматриваться лишь как художественная типизация и уплотнение. Как я уже отмечал, в русской душе сменяются прилив и отлив, но только перевешивающий отлив повседневности есть следствие бывшего прилива, и он таит в себе возможность прилива будущего.

В повседневности отлива русский скромнен и естественен, лёгок и благонравен. Возможно, этими качествами русский среди прочего обязан большому, широкому пространству и малой плотности населения.¹ В целом в России живут вовсе не «битком», а неплотно и рассеянно. Городское население лишь недавно достигло 18% общего населения. Но такая скудная плотность делает человеческую душу свободной от напряжения и судорожного сжатия: к чему предрасполагает *пространство*, окончательно завершает *разделённость в пространстве*. Также и машинная культура с её механизмирующим и давящим воздействием охватила русских более в последние пятнадцать лет, и именно через намеренную, плановую индустриализацию страны, равно как и через моторизирование и тракторизирование сельского хозяйства. Кроме того, русский крестьянин оставался несколько разочарованным относительно машины; она казалась ему некоей «ненатуральностью» и праздным умничанием, изобретённым европейцем и совершенно не подходящим русскому. Скептически, покачивая головой, стоял русский крестьянин перед машинной культурой и отвергал её с характерным для него юмором: «Немец, – произносил он, подразумевая при этом всякого говорящего по-иностранному европейца, – он таков: ничего не может без машины: если ему надо упасть со стула, он сначала изобретёт стулопадательную машину, приведёт её в движение и затем уже будет способен упасть»; «он, разумеется, изобрёл и обезьяну» и т.д. И не то чтобы русский не мог держать машину в руках; напротив, если он увидел в ней соответствующую необходимость, он очень скор в понимании, проникновении, овладении ею и починке, – но это всегда казалось ему требующим многих сил и не необходимым: он был устроен консервативно и «природно» и сам не хотел ничего схватывать. Об этом говорит и одна русская пословица с подлинной русской усмешкой над собой: «Поколоты русского – и он блоху подкуёт»...

Такая техническая наивность и примитивность, с которой боролся ещё Пётр Великий, в основном привела к тому, что у русского сохранилась его *первобытная природность*. В жизни русский расслаблен и спокоен. Шаг его лёгок: он не несёт себя, не тащит, не марширует, не гордится – он идёт так, как ему само по себе шагается, не замечая этого и свободно, с расслабленными мускулами; и примечательно, что на чужой земле русского среди прочих можно узнать по шагу и походке.

В целом русскому присуща *внутренняя свобода*, у него нет притворных, искусственно созданных препятствий. Он живёт без усилия, «в нём само живётся». Только слишком часто бывает он эмоционален и экспансивен; по большей же части очень обходителен, общителен, дружелюбен и приветлив; совершенно по-особенному – гостеприимен. Его любезность не поддельна, не жеманна, не симулирована; она не чопорна, а в гораздо большей степе-

¹ В среднем в европейской России живёт 29 человек на квадратный километр, в азиатской России – 2,3 человека на квадратный километр, притом что во Франции – 74, в Швейцарии – 101, в довоенной Германии – 134, в Англии – 135, в Бельгии – 273. Также нельзя упускать из виду, что чем более раннее столетие в России берётся к рассмотрению, тем меньшая численность населения насчитывается.

ни прочувствована и импровизирована, легко переходяща в чуткую деликатность. Если прислушаться к внутренней сущности русского, вскоре возникает ощущение, что будто бы в нём есть внутренний безмолвно звучащий напев, что всё внутри него мелодично и ритмично. Фактически русский в удивительной степени музыкален.

В 1879 году русский немец профессор Вестфаль из Юрьева (Дорпата) опубликовал замечательную работу о русской *народной песне*. На основании русских исследований и собраний, в основном сделанных Е.Н.Мельгуновым, он установил, что русская народная песня занимает совершенно особое место в мировой музыке. Она исполняется в своеобразных тональностях, которые напоминают греческие, *но не идентичны им*. Эти песни выражают своеобразную гармонию, голосоведение и каденции, которые красиво звучат, но не соответствуют общепринятой европейской музыкальной теории, учению о гармонии и композиторской практике. Они исполнялись крестьянскими хорами, без какого-либо музыкального образования, без камертона и дирижёра, без сопровождения, а *сарелла*, а именно – в четыре голоса, никогда в некрасивый и скучный унисон, и поверх этого – со свободными вариациями и подвижными украшениями («подголосок»), которые импровизировались от случая к случаю по внутреннему чутью, слуху и вкусу. Богатство этих песен неисчерпаемо; их возраст часто просто неопределим; их мелодика, ритм, экспрессия захватывающи. И совершенно по-особенному это касается многообразных древних свадебных песен, то трогательно-жалобных, то глубокомысленно благословляющих.

Соответственно, и культура церковного пения, концертного и оперного исполнения была в России очень высока. Кто, к примеру, слышал Московский синодальный хор, Московский царский оперный хор и Петербургскую царскую капеллу, тот слушает всякое иное хоровое пение лишь с тихим сожалением.¹ В жизни русский поёт на ходу; совершенно по-особенному – крестьянские девушки во время и после работы, наёмные рабочие нищие, солдаты на вольном марше, студенты при всякой возможности, почтовые кучера («ямщики») и все народные сословия во время тяжёлой и скучной работы.² Каждая городская восточно-ортодоксальная церковь имела свой хор, зачастую был он и в сельских местностях, причём ортодоксальная церковная община по правилам не должна была петь и на богослужении [во время пения] заменяться хором. В мировой народной жизни к этому восходит и культура народных инструментов: гармони, балалайки, дудки, гитары, бандуры. Интеллигентский же слой располагал многочисленными консерваториями и частными музыкальными школами; страстные домашние любители и страстные посетители опер и концертов дополняли картину. Воодушевление и бурное одобрение царили в душах, особенно во время симфонических исполнений: великий дирижёр Артур Никиш часто повторял, что нигде он не чувствовал себя столь захватывающе и проникновенно, как в России.

Этому соответствует и известная культура церковного звона с уходящей в столетия историей: чугуночного, металлического, глиняного, в богатом разнообразии и манерах исполнения, которые иногда восходили к древним нотным записям, в большинстве же случаев являлись свободной импровизацией по вкусу. В первые три дня после Пасхи всем разрешалось взойти на колокольню и звонить по желанию сердца, дабы ликующе, колоколами прославить воскресшего Спасителя.

<...>

8. Воля к совершенству

Эта «воля к совершенству» – будут утверждать – наивная и детская, в жизни беспомощная и приводящая к краху; мир нуждается в трезвом служении достижимой цели, в послушной дисциплине, организаторском искусстве, а не в мечтательном максимализме... Возможно. Но из русской души не вычеркнуть этот максимализм. Даже тогда, когда русский впадает в скверные страсти, страдает запоем, становится профессиональным грабителем, он едва ли забывает свою национально-христианскую мечту о совершенстве. Это проявляется везде, от народной сказки и песни до романа, от суеверия до политической доктрины, от простого сектанта до монарха. Достаточно взять лишь красивую и скромную народную сказку о праведниках и грешниках («Сказка о правде и кривде»), где праведник произносит своё решение: «Случится всё, что должно случиться, я желаю идти праведным путём», – и затем принимает все страдания жизни. Достаточно вспомнить популярную народную песню о разбойнике Кудеяре, который внезапно потрясается укорами совести, обращается, становится отшельником, всю свою жизнь кается в грехах и служит людям. Достаточно вспомнить известное стихотворение Некрасова о деревенском ростовщике Владе, который после пережитого в нервной лихорадке душевного кризиса становится сборщиком подати при церкви; или образ, который во всём его национальном трагизме и глубине воссоздал Достоевский (1873, 1877). Сами романы Достоевского развиваются в том же направлении. Стоит осмыслить и этический максимализм Льва Толстого. Глубокое и священное о русской воле к совершенству мог высказать проницательный наблюдатель своего народа, великий художник Николай Лесков. Многому могли бы дать объяснение деликатнейший романтик наших дней Алексей Ремизов и непревзойдённый знаток поющего сердца Иван Шмелёв.

Эта воля к совершенству, к самозабвенному служению, к претерпеванию трудностей и жертвенности обнаруживается в России везде, то явно, то скрыто, то в живом воплощении, то во вздохе, то в форме доктрины, то в форме потрясающего сердце раскаяния. В зрелой форме эта тяга обнаруживается в сущно-

¹ Знаменитая Московская синодальная школа каждый год устраивала голосовые состязания среди мальчиков, в которых принимали участие сотни ребят со всей России. Десять из них, самые одарённые по голосу и слуху, отбирались и бесплатно получали общее и музыкальное образование в Синодальной школе-интернате. Пение в хоре было для них обязательным. Позднее каждый из них становился образованным дирижёром. Какой смысл эта образовательная практика привносила в музыкальную жизнь, едва ли можно преувеличить.

² Примером может служить записанная на граммофонных пластинках «Песня волжских бурлаков»: когда ещё не было пароходов, тяжёлые грузовые баржи с зерном или другим товаром вверх по течению ташила на ремнях толпа лодочных наёмных рабочих, и при этом непрестанно пелись песни.

сти ортодоксальных монастырей и совершенно по-особенному – в русских «старцах»¹, «юродивых»², «праведниках», которых целую череду выводит нам на показ Лесков; также, по манере и характеру, – в русской культуре, поэзии, живописи и музыке; часто и в русских сектантах и во всех русских терзаниях веры последних 24 годов (1917–1941); во многих героических деяниях русского солдата³ и в радостной жертвенности и весёлой готовности к лишениям политически мечтающей молодёжи.

Эту волю к совершенству мы уже находим и в главном образе русского поэтического эпоса – в популярном в народе богатыре Илье Муромце. Вся его жизнь есть не что иное, как самозабвенное служение русскому государству. Как простой крестьянин сидит он дома, парализованный, первые 33 года своей жизни, и размышляет, и кручинится непрестанно о нужде и страданиях своего народа. Затем исцеляют его трое странствующих нищих (Христос и два апостола!), и получает он от них богатырскую силу. Благословение, которым осеняет его отец, повествует о народной нужде и христианской доброте. Так и идёт он по русским землям на защиту слабых и в помощь нуждающимся. Ему сочувствуют даже разбойники, и он пытается вселить в них страх и смирение, расколов своей стрелой в щепки огромный дуб, – так что все разбойники оставили свои намерения. Он избавляет Русь от смертоносных татар, освобождает свою землю от отвратительного соловья-разбойника и совершает бесчисленное множество героических деяний, причём он основательно отвергает всякое личное обогащение, всякую добычу и всякий захват власти. Даже любой благой слух о себе пытается он использовать на защиту родной земли: нужно лишь всюду сообщить, что у Руси есть свой богатырь и она не пуста и беззащитна.

Великий и глубокий конфликт между христианской добродетелью и твёрдым служением мечом Илья Муромец разрешает тем, что «преступает *букву* закона, чтобы служить его *духу*». Его жизнь и служение проникнуты идеей, что народ его беззащитно страдает; сам он не кто иной, как «сила служения, в свободном, бескорыстном смысле этого слова»⁴. . . . Чтобы истинно придти к такому служению, Илья побеждает все свои страсти, отказывается от супружества и всякого имущества, и добродетель выводит его из сложнейших ситуаций. Коротко и ясно, мы имеем здесь дело с «живым», «непритворным» и «невыдуманным» русским «народным идеалом»⁵.

Есть два многозначительных русских понятия: «праведник» (поступающий как должно, по правде) и «подвижник» (ревнитель, благочестивец, то есть человек, который всю свою жизнь подчиняет самозабвенному служению великой благородной цели). Теперь у каждого народа есть свои национальные «праведники» и «благочестивцы». О таких «праведниках и благочестивцах» сказано в Библии, что они есть *живая основа всякой государственности*. При этом у каждого народа *духовный, творческий акт* таких людей несёт *своеобычный отпечаток* и имеет *особую душевную структуру*, которая соответствует склонностям и потребностям национальной народной души. Так, и русский национально-духовный акт отражает свою особенность, свою специфическую душевную структуру. Эта структура соответствует общему национальному духовному строению и не может быть заменена никакой иной. Русский духовный акт есть прежде всего *акт чувства и сердца*. Вслед за чувством и сердцем непосредственно следует *внутренне и внешне* созерцание, воображение, творческая фантазия; лишь потом приходит остальное, воля и рассудочная сила сознательного мышления.

Склонность *созерцать*, эту потребность представлять себе предмет конкретно, пластично и живо – равно как и оформлено и индивидуализировано – русский обрёл от окружающей его природы и пространства. На протяжении столетий видит он перед собой широкую даль и манящую равнину как бесконечные, всегда ещё заключающие в себе выполнимую возможность оформления. Глаз впивается в беспредельное и не может насытиться созерцанием. Облака, будто горы, громоздятся на горизонте и обрушиваются величественной грозой. Зима и мороз, снег и лёд дарят ему прекраснейшие видения. Северное сияние играет ему свои воздушные симфонии. Как далёкие обетования говорят с ним обширные горы. Как чудесные пути льются пред ним его реки. Озёра его молчат о глубоких тайнах. Благоухающие цветы и шепчущие леса поют ему о мудрости и счастье жизни.

Свободное созерцание дано русскому от рождения. *Свободное сердечное мечтание* есть глубочайшее основание его искусства. *Живое конкретное созерцание* руководит его религиозной верой и политической волей. И потому абстрактное божественное начало буддизма ничего бы не сказало русской народной душе. Потому всеогласованнейшую дедуктивную теологию, как рациональную систему, русский нашёл бы холодной и мёртвой и отверг бы её. Потому его религиозная вера не может быть сформирована и ведома никаким внешним авторитетом. Его христианская вера, его самобытная культура икон, весь обряд его ортодоксальной церкви в гораздо большей степени возник из свободного сердечного созерцания. Из того же источника происходит и его потребность саму сущность государства переживать не абстрактно, но в живой персонификации (монархизме).

Русская душа – это одновременно и ненасытный созерцатель. Здесь исток её искусства, совершенно по-особенному – её живописи, скульптуры и архитектуры, но в равной степени и русского балета, и театрального искусства в целом. Русский стремится постичь духовное содержание в виде художественного созерцания и, насколько возможно, пластически оформленным и пытается созерцательно обогащать своё сердце и свой темперамент. Вся русская живопись, которая в Европе по сей день скудно узнана и слабо увидена, своим основным источником имеет *символизирующее сердечное созерцание*; потому снобам и технически-формально смотрящим её людям она мало

¹ См. вторую главу «Вера».

² Второе размышление.

³ См., к примеру, «Дневник писателя» Достоевского (январь, 1877) о Фоме Данилове.

⁴ См. содержательную и глубокую работу Ореста Миллера «Илья Муромец и киевское рыцарство» (русское издание 1869). С. 829. Учёный исследователь прав, когда он этого русского национального героя противопоставляет испанскому Сиду (С. 301) и немецким нибелунгам (С. 783).

⁵ См. О. Миллер. Там же. С. 829.

что может сказать. И русская поэзия, которая едва ли позволяет быть переведённой на другие языки (возможно, только в акте конгениального сотворчества), лишь тогда обретает завершение и приходит к творческому покою, когда она из скромной тишины сердечного созерцания пробивается к в высшей степени возможной пластичности и образной силе.

*Перевод с немецкого
кандидата философских наук И.В.Кулешовой*